

Груздева Мария Владимировна

г. Краснодар, МУ ДО «Малая Академия», 11 класс

**Рецензия на спектакль Театра Музыки и Поэзии под руководством
Елены Камбуровой (Москва) «Победа. Реквием»**

Режиссёр — Иван Поповски

Знакомо с детства, очень близко и дорого нам слово «Победа». Отдаёт звенящей горечью другое – «Реквием». Но вот два слова стоят рядом, и кажется, что это оксюморон, чья-то злая, чуждая всему человеческому шутка, и так хочется верить – всего лишь шутка, просто морок, давняя история, оставшаяся навсегда в прошлом... Но земля, чей мотив наравне с мотивом любви можно назвать сюжетообразующим в спектакле, земля, иногда просто летящая под ноги зрителям, – настоящая. И судьбы, сотканые из довоенных, военных, послевоенных песен и воплощённые актрисами, тоже – настоящие.

В спектакле «Победа. Реквием» режиссёра Ивана Поповски нет привычных реплик героев, их монологов, диалогов: актрисы не говорят, а поют. У спектакля нет драматурга, то есть автора текста – опять-таки в привычном понимании. Возникает ясное чувство, что эта пьеса написана самой жизнью. Русские народные песни и произведения советских и российских композиторов, «Катюша» М.Блантера и «Вечер на рейде» В.Соловьёва-Седого, «Заветный камень» Б.Мокроусова и «Эх, дороги» А.Новикова, «До свидания, мальчики» Б.Окуджавы и «Так случилось, мужчины ушли» В.Высоцкого, «Нежность» А.Пахмутовой и «Рябины» В.Гаврилина – такие знакомые, родные для людей разных поколений мелодии сменяют друг друга, и именно так (кажется, что прямо на глазах зрителя!) рождается сквозной сюжет. Вечная история любви, проводов любимого на войну, ожидания, боли потерь, торжества жизни над смертью – создаётся последовательностью песен. Они перетекают одна в другую, образуя единую канву спектакля: мизансцены, где задействованы все

актрисы, чередуются с одиночными, и каждая личная история вписывается во всеобщую историю страны. Спектакль невозможно разделить на действия, он «падает» на зрителя тяжёлым, слитным, оглушающим впечатлением: ощущение не просто прошедшей, а – пройденной нашим народом Великой Отечественной войны от неясных туманных предчувствий до только-только проклюнувшейся надежды оставляет после себя ощущение необыкновенной наполненности эмоциями.

В спектакле нет эпизодов боёв, нет картин обороны Москвы, Сталинградской битвы, других сражений. Вернее, есть – но где-то за пределами сценического пространства, на самой же сцене разворачивается во всей мрачной горечи изнанка войны. Это тот каждодневный бой в тылу, который вели женщины, чьим единственным оружием была надежда – и ожидание. Поэтому и на сцене только актрисы. Вокальные партии исполняют Елена Камбурова, Елена Веремеенко, Анна Комова, Юлия Зыбцева, Анна Леванова, Евгения Курова, Виктория Тихомирова, Алена Парфенова, Галина Войниченко. Акомпанирует им камерный ансамбль: скрипачи Татьяна Масленникова, Лада Морозова, Юлия Рощина (Плисковская), виолончелист Елена Слободчикова, флейтист Наталия Абрамова. Великолепные сопрано и меццо-сопрано сплетаются с нежным пением скрипок, виолончели и флейты в один сильный и проникновенный голос – он и молитва, и напутствие, и зов, и плач, это голос женщины, которая верит и надеется, потому что любит.

Единственный мужской образ возникает только при чтении фронтовых писем. Все письма – подлинные, и это ещё ярче подчёркивает ту правду жизни, которой наполнен спектакль. На сцене актёра нет, голос Дмитрия Куличкова звучит в записи. Он будто призрак, напоминание о том, что уже ушло, и образ женского лица войны, образ одиночества, навсегда остающегося таковым, становится пронзительным до горечи. Так случилось, мужчины ушли. Остались женщины. Остались только женщины.

Первые сцены спектакля – довоенное время – контрастируют с последующими на всех уровнях: и расположением (актрисы не движутся по

сцене, а стоят на балкончиках, ещё оставаясь в недостижимости от земного горя), и общим лирическим настроением, и яркими расцветками нарядных лёгких платиц, и тёплым, будто окутывающим девушек освещением. Они все ещё такие счастливые! Рождается ощущение чудесного сна о былом мирном времени, куда исподволь прокрадывается мотив войны – недаром среди четырёх песен, звучащих в этом отрывке, три написаны в военный период, а созданная в 1939 году «Катюша» стала затем одной из любимейших песен наших бойцов на фронте. Интонация, поначалу создающая резкий контраст со словами, постепенно теряет теплоту и тихую лиричность: «Заветный камень» становится похожим на балладу, «Катюша» в необычной аранжировке Олега Синкина превращается в шестиголосный хорал, молитву (за здоровье? за упокой?), а «Колыбельная» М.Блантера звучит голосом уже приближающейся войны: мать баюкает сыночка, чей отец ушёл защищать Родину. Сон рассеивается постепенно, и разделение художественного времени на условные «мирное время» и «войну» так же постепенно исчезает. «Старинная солдатская песня» Б.Окуджавы в исполнении Елены Камбуровой будто возвращает героинь к жестокой военной реальности: дважды повторяемое «Спите себе, братцы» заставляет почти мирный сон, пусть и наполненный отголосками предчувствий войны, окончательно исчезнуть. Меняется всё: актрисы спускаются с балконов на сцену и садятся за пустой стол, резко бьёт по глазам холодный белый свет, и нет места больше ни улыбкам, ни лиричности – лица девушек застыли в спокойном и неподвижном выражении.

Цвет и свет вообще играют в этом спектакле огромную роль. Художники по свету Владислав Фролов и Антон Литвинов сумели найти оригинальные решения, усиливающие эмоциональное восприятие.

Вот тёплая цветовая палитра, такая яркая и разноликая прежде, сменяется двумя цветами: чёрным – цветом земли и солдатской шинели – и затопляющим всё белым, дважды создающим смысловой контраст. Белые платья невест – и белые вдовьи платки. Покрытый белой скатертью стол –

свадебный и погребальный одновременно. Да и сам белый цвет – цвет нежности, чистоты, святости – издавна считался на Руси ещё и цветом траура.

Мотив любви и мотив смерти, ключевые для спектакля, рождаются из создаваемого образа войны.

Любовь осязаема, ощутима, слышна, она в спектакле – живая, и её воплощают актрисы.

Восемь невест, и каждая со своей судьбой, своей личной историей, это подчеркнуто даже разницей костюмов, созданных художником Ниной Климовской: у одной девушки – лёгкое платье-колокольчик, у другой – традиционный наряд с высоким воротником, рукавами-фонариками, у третьей – изящное платье с красивым декольте, и головные уборы у них разные: фата, веночек, скромный ободок, замысловатая шляпка. А вот вдовьи платки у всех одинаковые... Эти нежные, светлые, похожие на ангелов девушки в белом – Любовь человеческая, земная, любовь к тому единственному, который сейчас так далеко.

Женщина в чёрном полупальто, так похожем на солдатскую шинель, и алом шарфе – скорбная, величественная и великая. Этот образ, созданный Еленой Антоновной Камбуровой, необыкновенно глубок и многогранен. Это и Судьба, и Эпоха, но прежде всего Родина, Мать-Земля. Не случайно её облик даже напоминает чем-то те скорбные женские фигуры из гранита и мрамора, которые склонились над братскими могилами солдат Великой Отечественной во многих городах и сёлах. И песни, которые Елена Камбунова исполняет в спектакле («Старинная солдатская песня», «Эх, дороги», «Простите пехоте», финальная часть песни «Соловьи»), и сам её неповторимый, сильный голос огромного диапазона – всё это воспринимается зрителем как прекрасный и вечный голос родной земли, России.

Любовь к родной земле и к родному человеку, ушедшему защищать эту землю, – так воплощается в спектакле высокое и святое чувство Любви к Родине.

А смерть приходит извне, её в спектакле нет – и всё же она есть. Нежданная, незваная, она встаёт за каждой девушкой призраком ушедшего – сперва на фронт, а потом и навсегда – жениха.

Важную роль в спектакле играют вещи, но говорить о привычной символике не приходится: каждый вещественный образ – это метафора, наполненная многими смыслами.

Пустой длинный стол, покрытый белой скатертью, имеет двойное значение – он и свадебный, и погребальный – но потом скатерть снимают, и на столе оказывается земля. С земли будто бы взлетают тени ангелов-лётчиц, землю месит, как тесто, одна из невест (Виктория Тихомирова), в земле находят вещи, оставшиеся от погибших людей, земля становится бесконечной дорогой, по которой ступает босыми ногами невеста, в одночасье ставшая вдовой (Елена Веремеенко)...И, наконец, земля оказывается могильной: длинный стол раздвигают, и теперь их восемь – небольших столов, засыпанных землёй. Девушки, сменившие фату и шляпки на горестные вдовьи платки, склоняются над этими столами, бережно гладят землю, ставят трепещущий хрупкий цветок... Стол был общий, как и дорога войны, как и родная земля – одна на всех. А вот солдатская могила у каждой юной вдовы – своя.

Другой, не менее важный образ – сапоги. Их собирает с земли медленно идущая труднейшей фронтовой дорогой девушка (Елена Веремеенко), собирает, будто страшный военный урожай, и эта деталь ярче похоронок говорит о том, что солдат погиб. Она прижимает к груди свою тяжёлую ношу и в конце пути просто падает, не в силах нести такой груз. Остальные девушки осторожно, ещё не веря в утрату любимого человека, разбирают эти сапоги, и каждая находит именно «свою» пару. И они не просто берут сапоги, но и надевают их (до чего же не сочетается с белым

нежным венчальным нарядом эта грубая кирзовая обувь!), как бы заменяя погибших женихов, беря на себя эту нелёгкую ношу – отныне жить за двоих.

Большинство песен, исполняемых в «военной» части спектакля, написаны после 1945 года, причём часто их авторами являются люди, которые во время войны были маленькими детьми или вообще родились после Победы. Но в оригинальных аранжировках Олега Синкина, созданных специально для спектакля, эти песни звучат достоверно и пронзительно, и сомнения не возникает ни на секунду: там и тогда чувствовали именно так. Весь спектакль можно назвать отголоском войны, и этот отголосок откликается во всём: ощущается связь времён, связь чувств, связь поколений. Особенно удивительно присутствие в музыкальной канве спектакля песни А.Пахмутовой «Нежность», написанной в середине 1960-х годов и посвящённой совсем не войне. Она – как короткое торжество любви над смертью, что подчёркивается мизансценой: актриса Юлия Зыбцева, исполняющая эту песню, стоит в луче света и прислушивается к звуку найденных в земле часов, как прислушиваются к стуку сердца дорогого человека. Освещённая лучом прожектора стройная фигура в белом одеянии как бы «пронзает» тьму, напоминает ангела-хранителя, и вспоминаются знаменитые строки Симонова: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...».

Одна из самых трагичных сцен спектакля окаймлена тревожной музыкой Дж.Вильямса из кинофильма «Список Шиндлера». Зритель сначала даже не очень понимает, что означают эти незнакомые слова, которые негромко и мягко произносит Елена Камбурова: «Алеф, бет, гимель...» Это названия букв еврейского алфавита – и вся мизансцена в самом начале похожа на урок: актрисы, как прилежные ученицы, сидят за столом, добрая учительница повторяет с ними азбуку... Но затем звучит, всё так же нежно и мягко, известная детская песенка М.Варшавского «Der alef-beis» («На припечке»), которую Елена Антоновна исполняет на идише, и в памяти мгновенно всплывает пронзительная сцена из фильма: девочка в красном пальтишке – вечное напоминание о трагедии Холокоста. И вот те же буквы

на древнем языке идиш уже называют актрисы, сидящие за столом: сначала тихо, потом всё громче, громче, затем они уже не говорят, а кричат – каждая свою букву! Вспышки света всё ярче, выкрики всё громче: нельзя убить народ, нельзя убить его язык, его культуру! А нам, живущим сегодня, нельзя об этом забывать!

Финал спектакля заключает всю постановку в своеобразное композиционное кольцо: актрисы вновь поднимаются на балконы, ввысь, к грядущей надежде, и возвращается лирическая интонация. Но теперь она не кажется горьким несовпадением со словами – надеждой на светлое будущее проникнуты и они. День Победы? Ещё нет – вновь предчувствие, но предчувствие не тяжести горя, а радости жизни. Радости жить там, «где была война».

«Там, где была война, весна пришла обычно,

Поёт средь бела дня девчонка-невеличка.

Косички расплелись, и голос звонко льётся:

Она поёт, поёт про жизнь,

Она поёт, поёт про жизнь,

Про небо и про солнце...»

Эту песню В.Дмитриева на стихи А.Ольгина исполняет Евгения Курова, и зритель снова не может не отметить таланта постановщика в проработке даже мельчайших деталей. Невысокая, хрупкая актриса стоит на балконе так, чтобы луч прожектора освещал её со спины. Белое платье, кудрявые золотистые волосы, вся тоненькая фигурка – всё очерчено и будто пронизано солнечным светом, а нежное сопрано ещё больше усиливает визуальный эффект: да, это долгожданный рассвет, это светлая заря, весна, надежда, радость, это утро Победы и торжество Жизни над смертью!

На бьющий по нервам эмоциональный надрыв спектакля работает даже само небольшое помещение театра: зрители на первых рядах сидят так близко, что земля летит им под ноги. На таком расстоянии актёру невозможно сфальшивить, передохнуть, выйти из образа – всё чувствуется

зрителем остро, и оттого спектакль «Победа. Реквием» – будто игра на струне, натянутой до предела. Каждый вздох, каждое касание наполнены смыслом, которые осознаются и понимаются не сразу.

И вот финальная песня, апофеоз спектакля. И это не мажорный «День Победы», как можно было бы предположить. «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть ребята немного поспят...» – песня звучит без музыкального сопровождения, а *carrella*, в изумительном многоголосии. Это одновременно и торжественная хвала Победе, и скорбный Реквием по погибшим, и хорал, высокое церковное песнопение, и мольба, и гимн Жизни – недаром же в музыку прекрасных женских голосов вплетаются соловьиные трели. Поют соловьи, напоминая всем нам, что Любовь к своей земле, своему народу, своему дорогому человеку – Любовь бессмертна.

Премьера спектакля состоялась 11 мая 2015 года. Он продолжает идти с неизменным аншлагом, особенно в канун Дня защитника Отечества 23 февраля и Дня Великой Победы 9 мая. Потому что «Победа. Реквием» относится к числу тех спектаклей, которые можно пересматривать сотни раз. И каждый раз – находить новые глубокие смыслы.